

конференц-зал

Акции академии и золото партии

Сколько стоит наука и почему

Алексей Соловьев,
доктор геолого-минералогических
наук, Геологический институт РАН

В июне «Газпром» пообещал геологам немислимые деньги — 1,8 трлн рублей. Столько собирается потратить до 2030 года на геологоразведку главная компания страны, читай — государство. Даже нанотехнологии — наверное, самый разрекламированный в России научный проект — на такие суммы никогда не рассчитывали. Триллион вообще редкое слово, когда речь заходит о конкретных тратах государства и бизнеса. Особенно — на науку и все, что рядом

Как принято представлять диалог науки и власти? Робкий бюджетник просит денег — и чиновник великодушной отмашкой выдает немного на пропитание. Разумеется, бывает и иначе. Первым приходит в голову долгий роман советских и американских властей с физиками-ядерщиками в 1940-х — 1960-х. Тогда успехи конструкторов бомбы определяли, какую степень резкости могут позволить себе дипломаты. Но все это — сюжет из учебников истории, который не примеришь на современность.

На место ядерной физики сейчас закономерно претендует геология. Знание о том, где и как искать нефть и газ, легко конвертируется в политическое влияние: новое месторождение — не бомба, зато дает ответ на вопрос, будет ли государство зависеть от чужих ресурсов. В конце концов, недавний спор, кому владеть шельфом вокруг арктического хребта Ломоносова, — тоже из разряда академических проблем, которые вдруг приобрели привкус политики.

Совсем недавно президент вручил премию «Глобальная энергия», по содержанию сравнимую с Нобелевской: трое ученых разделили между собой миллион долларов. Дело происходило на «русском Давосе» — экономическом форуме в Санкт-Петербурге. Двое из троих лауреатов — российские геологи, академики Николай Лаверов и Алексей Конторович: ученых отметили за методы поиска месторождений урана, нефти и газа. А геолога Николая Лаверова еще задолго до премии сделали главой экспертной комиссии Совета безопасности РФ. Ведь незнание, как обстоят дела с ресурсами, рано или поздно становится опаснее ядерного взрыва.

Государство, в отличие от Нобелевского комитета, не расположено награждать за обаяние формулы или красоту научной идеи. Государство — прагматик. И пока фундаментальная наука не строит трубопроводы, у нее мало шансов попасться прагматику на глаза. Но прагматизм хорош для принятия тактических, а не стратегических решений. Это видно из истории отношения ученых и бизнеса. Когда последнему понадобились

эксперты, несколько достойных компаний, зарабатывающих добычей ископаемых, попробовали создать свои научные подразделения. Однако быстро выяснилось, что из точечных прикладных исследований сложно выстроить систему, а жесткая логика бизнеса не позволяет оплачивать промежуточные звенья в логических цепях — те самые фундаментальные исследования.

Своим аспирантам я рассказываю, как из любой прагматической схемы могут извлечь пользу оба партнера — и бизнес, и ученые, — если смотреть на коммерческие проекты с точки зрения фундаментальной науки. Несколько лет назад нам заказали исследование шельфа Камчатки на предмет поисков нефти. Когда работа была выполнена, в наших руках оказался огромный банк данных, например, сейсморазведки — незаменимый для фундаментального изучения тектонической эволюции Охотского моря.

Геология сильнее других дисциплин привязана к месту и, в конечном счете, к стране. Если протоны у физиков и интегралы у математиков ведут себя одинаково что в Мексике, что на Южном полюсе, то вулканы Камчатки устроены иначе, чем вулканы Гавайев. С этим приходится считаться, государству — прежде всего. Есть планета, и есть люди, которые знают, как с ней обращаться. Геолог в известном смысле менеджер планетарного масштаба, и именно в этом качестве должен быть небезынтересен власти. Особенно если держать в уме полезную особенность науки: даже научившись зарабатывать, она живет по другим законам, чем классический бизнес. Институты кризис задел куда меньше, чем корпорации. Цена барреля нефти — не главный вопрос для геологии: экспертиза-то всегда в цене.

Кстати, как раз поэтому от кризиса наука только выигрывает. Мне повезло наблюдать, как один за другим в Геологический институт возвращаются аспиранты, лишившиеся тех самых менеджерских зарплат, из-за которых несколько лет назад они бросили свои диссертации. Новости из «Газпрома» — очередное свидетельство того, что они не ошиблись. **PP**

КИРИЛЛ ЛАГУТКО ДЛЯ «РР»